Выручал Наталью дед Гришака: входил он в горенку щупая шишкастым костылем прочность пола и расглаживая желтую коноплю свалявшейся бороды спрашивал тыча в Митьку костылем:

— Ты чево, поганец, заявился сюда? Ась?

— На провед зашел, дедуня. — оправдывался Митька.

— Проведать? Ась? Я тебе, поганец, велю уйтить отселя. Шагом арш!

Дед взмахивал костылем и подступал к Митьке нетвердо переставляя высохшие в балку ноги.

Дед Гришака топтал землю шестьдесят девять лет. Участвовал в турецкой компании 1877 г., состоял ординарцем при генерале Гурко, попал в немилость и был отослан в полк. За боевые отличия под Плевной и Рошичем имел два георгия и георгиевскую медаль. Был односумом с Прокофием Мелеховым и доживая у сына, пользуясь в хуторе всеобщим уважением за ясный, до старости, ум, неподкупную честность и хлебосольство, короткие остатки жизни тратил на воспоминания.

Летом с восхода до заката солнца сиживал на заваленке, чертил костылем землю, угнув голову думал неясными образами, отрывками мыслей, плывущими сквозь мглу забвения тусклыми отсветами воспоминаний...

От потрескавшегося козырька казачьей сминявшей фуражки падала на черные веки закрытых глаз черная тень; от тени морщины щек казались глубже, седая борода отливала сизью. По пальцам, скрещенным над костылем, по кистям рук, по выпуклым черным венам шла черная, как чернозем в логу, медленная в походе кровь.

Год от года холодела кровь. Жалился дед Гришака Наталье — любимой внуке.

— Шерстяные чулки, а не греют мои ноженьки. Ты мне, чадушка свяжи крючковые.

— Што ты, дедуня, ить зараз лето! — смеялась Наталья и подсаживаясь на заваленку глядела на большое морщиненое и желтое ухо деда.

— Ды-к што-ж, моя чадунюшка, хуть она и лето